

перо
и время

146

В ЭТОЙ РОЩЕ БЕРЕЗОВОЙ

Руслан
Бушков

*Николенька Заболотский
в хромовых сапогах в фотоателье
на Воскресенской улице Казани*

Имя уроженца Казани Николая Заболоцкого вошло в классическую русскую поэзию XX века. Правда, биография будущего стихотворца вобрала в себя лишь шесть казанских лет и полтора кукморских года детства. Но они оказались для него очень важными и значимыми: именно здесь он получил свои «первые неизгладимые впечатления природы», которые стали главной темой его лирики.

**О любимые сердцем обманы,
Заблужденья младенческих лет!
В день, когда зеленеют поляны,
Мне от вас избавления нет.**

Родительский ДОМ

«Я был первым ребёнком в семье и родился в 1903 году 24 апреля (7 мая по новому стилю) под Казанью, на ферме, где отец служил агрономом», – пишет он в своём автобиографическом очерке «Ранние годы».

Поэт гордился, что отец его Алексей Агафонович Заболотский (**фамилия была изменена в 1925 году со вступлением на литературный путь**) был одним из известных агрономов края, много сделавшим для развития земской агрономической службы.

Будущий агроном оказался в Казани летом 1879 года, приехав сюда пятнадцатилетним подростком из Уржумского уезда Вятской губернии для поступления в земледельческое училище Министерства земледелия и государственных имуществ. Находящееся в девяти верстах от города на возвышенной местности возле озера Дальний Кабан учебное заведение было образовано в 1864 году на базе Северо-Восточной учебной фермы, созданной ещё в 1846 году в качестве примера по образцовому ведению дел для крестьянских хозяйств окружающей местности.

Алексей Заболотский приёмное испытание выдержал успешно и стал полноправным учащимся одного из лучших земледельческих училищ России. Как сын воина, прослужившего на царской службе и отмеченного чином унтер-офицера и воинскими наградами, он был освобождён от платы за учёбу и поставлен на казённый кошт.

Уржумский подросток чувствовал себя здесь, словно в раю, – всё утопало в зелени, кругом цветники, ухоженные газоны, широкая центральная аллея, обсаженная сиренью и липами. Не зря местная интеллигенция прозвала эти места Данией под Казанью. Посреди обширной территории возвышалось красивое каменное здание училища. На его первом этаже размещались классы, кабинеты и огромный паркетный зал. В

*Супруги Заболотские
с первенцем Никольенькой*

полуподвальном помещении были расположены шинельная и столовая.

При училище имелись больница, почтовая станция, конюшни, сыроварня, теплицы, мастерские, водокачка, пасека и большой фруктовый сад. К нему примыкала сельскохозяйственная ферма, граничащая с берёзовой рощей – любимым местом гуляний и пикников казанских дачников.

Алексей Заболотский учился жадно, с упоением. Всё для него здесь было важно, даже игра на балалайке или гитаре. Из стен училища ежегодно выходили по пятнадцать-двадцать агрономических специалистов со средним образованием. Алексей Заболотский окончил его в 1886 году.

Получившему звание учёного-управителя А. А. Заболотскому предстояла работа управляющего имением в Мензелинском уезде Уфимской

губернии. Но приступить к ней он так и не успел, а был призван на военную службу, которую ему пришлось проходить во вновь образованном Казанском военном округе.

Алексей Заболотский отбывал воинскую повинность в строю всего один год, а потом был произведён в унтер-офицеры и переведён по первому разряду в ополчение, с правом призыва при необходимости на военные сборы ещё в течение девяти лет.

Освободившись от воинской службы, он стал работать на показательной сельскохозяйственной ферме, находящейся в ведении губернской земской управы во главе с её председателем коллежским секретарём Петром Остановым.

Сельскохозяйственная ферма Казанского губернского земства располагалась в пяти верстах от Казани, за Кизической подмонастырной слободой и слободским кладбищем. Кизическая слобода получила своё название от Введенского мужского монастыря, основанного на правом берегу реки Казанки в 1687 году в память о девяти мучениках, пострадавших за христианскую веру в городе Кизике (Малая Азия).

В конце 1880-х годов к соседствующим Козьей слободе и Кизической слободке была проложена дамба, названная Кизической. С прокладкой конно-железной дороги, а затем трамвайных путей слобода и слободка вошли в черту города. За Кизическим монастырём и начинались угодья сельскохозяйственной фермы Казанского губернского земства.

В самом начале лета 1902 года сюда, на ферму, к одному из служащих приехала молодая учительница из Вятской губернии Лидия Андреевна Дьяконова. Она, выпускница Вятской Марининской женской гимназии, приходилась дочерью уволенного со службы мелкого чиновника Уржумской почтовой конторы Андрея Ивановича Дьяконова.

На сельскохозяйственной ферме под Казанью скромная двадцатитрёх-летняя девушка с большими серыми

глазами и тёмно-русскими косами и познакомилась с немолодым, тридцативосьмилетним Алексеем Заболотским, ставшим к тому времени управляющим фермой. Он был высок, виден собою, с красивой чёрной шевелюрой и светло-рыжей бородой на два клина, ходил в поддёвке и русских сапогах. Алексей Агафонович заметил её среди молодых сельских учителей, приехавших на курсы при ферме для пополнения запаса своих агрономических знаний. После занятий они нередко собирались вместе, устраивали вечеринки с пением песен и романсов. Трудно сказать, что подтолкнуло Алексея Агафоновича и Лидию Андреевну, двух разных по возрасту, характеру и воспитанию людей, друг к другу. Но когда Алексей Агафонович зашёл к своему служащему М. А. Дьяконову просить руки его сестрицы Лидии, согласие было получено. Как брат Михаил Андреевич понимал, что лучшего при её положении ждать не приходится.

Свадьбу решили не откладывать надолго. После венчания новобрачные направились на наряженных лошадях в казённую квартиру Алексея Агафоновича на территории сельскохозяйственной фермы. И началась для Лидии Андреевны новая жизнь.

Первое время Заболотские жили дружно. Алексей Агафонович называл свою супругу Лидой, Лидочкой, а она из уважения – только по имени и отчеству. В 1903 году, 24 апреля у них родился сын. И он уже на следующий день повёз своего новорождённого первенца вместе с Лидией Андреевной крестить в Варваринскую церковь, к приходу которой был приписан ещё со времён воинской службы. Спешка его объяснялась и народным поверьем, что у некрещёных детей нет подлинной души.

Заболотским предстояло выбрать имя младенцу. Его обычно нарекали в церкви по названию святого, память которого чтится ею в день крещения. По православному календарю намечался Никола вешний, весенний день памяти святителя Николая, необычайно попу-

лярного в народе. Ещё одной причиной выбора Заболотским этого имени для своего сына было то, что через две недели отмечался день рождения самого царя Николая II, о котором постоянно напоминала часовня на пруду Кизического монастыря, установленная по случаю его счастливого избавления от покушения в 1891 году в Японии. К тому же в 1903 году Россия отмечала 290-летие царствования Дома Романовых.

В метрике Варваринской церкви за 1903 год под номером двадцать восемь появилась надпись: «Вятской губернии города Уржума мещанин Алексей Агафонович Заболотский и его законная жена Лидия Андреевна, оба православного вероисповедования, сын их Николай рождён апреля двадцать четвёртого, крещён двадцать пятого».

Супружеская жизнь Заболотских, нельзя сказать, что была лёгкой. Алексей Агафонович, выросший в семье с домостроевским укладом, старался теперь и сам придерживаться таких же порядков. Он был умеренно религиозен, любил во всём порядок и семью стремился держать в строгости. Это задевало Лидию Андреевну, натуру прямолинейную и восторженную, любившую стихи и сочувствующую революционным идеям своего времени. Несходство характеров и взглядов на жизнь нередко выходило наружу и приводило к семейным размолвкам. И когда муж повышал на неё голос, требуя порядка, ей, бесприданнице, казалось, что тот укоряет её за бедность. Она открыто жаловалась родным на свою нелёгкую судьбу. Настоящую радость доставлял лишь подрастающий сын Коленька с его миленькой наружностью, белокурыми, немного вьющимися волосами, белой кожей с румянцем и пухленьким тельцем, распространяющий вокруг себя искреннюю любовь.

Между тем их семейство увеличивалось: 12 сентября 1905 года родилась дочь, получившая при крещении в Варваринской церкви имя Вера. А два года спустя, 1 июня 1907 года, появился на свет третий ребёнок Заболотских – ещё

Руслан Бушков – журналист, этнолог, культуролог. Родился в 1957 году, окончил Йошкар-Олинскую музыкально-художественную школу-интернат для одарённых детей, отделение журналистики и аспирантуру при кафедре этнологии и археологии Казанского государственного университета. Кандидат исторических наук, автор 13 книг по этнокультуре поволжских народов, историческому и литературному краеведению, монографических трудов по детским и юношеским годам жизни и творчества классика русской поэзии XX века Николая Заболоцкого.

В 2014 году удостоен Литературной премии им. Н. А. Заболоцкого, учреждённой правительством Кировской области совместно с правлением Союза писателей России и его Кировским отделением

одна девочка. При крещении в церкви пригородного села Сухая Река её назвали Марией.

Зачарованный мальчик

В большие церковные праздники супруги Заболотские старались непременно посетить Кизический монастырь, полюбоившийся им, как и другим православным казанцам, как место отдохновения от мирских забот и очищения души. Его окружали сосновый бор и берёзовая роща, озеро и пруд с посадками липы на берегу. Эта местность превратилась в желанный маршрут прогулок Лидии Андреевны с подрастающими детьми. Увиденные Колей восторженным взором составляющие прелесть родимой природы берёзы будут сопровождать его потом всю жизнь. Каким-то невидимыми нитями они окажутся связанными для него с личной и литературной судьбой, о чём он выскажется в стихотворении «В этой роще берёзовой» (1946):

**В этой роще берёзовой,
Вдалеке от страданий и бед,
Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиной
Льются листья с высоких ветвей, –
Спой мне, иволга, песню пустынную,
Песню жизни моей.**

В зелени деревьев, кустарников и цветников утопал и деревянный двухэтажный дом, на первом этаже которого располагались квартиры Заболотских и преподавателя учебно-практической школы при ферме Н. П. Давыдова. А второй этаж был отдан под классы для занятий со слушателями учебно-практических курсов при ферме. Квартирные окна превратились для Коли в место наблюдения за переменами погоды, даже за пугающей грозой. Став поэтом, он посвятит ей несколько своих

стихотворений, а в одном из них – «Грозе» – признается:

**Я люблю этот сумрак восторга,
Эту краткую ночь вдохновенья,
Человеческий шорох травы,
Вещий холод на тёмной руке,
Эту молнию мысли
и медлительное появление
Первых дальних громов –
Первых слов на родном языке.**

Для его мамы Лидии Андреевны сделалось правилом на прогулки с детьми по ферме и окрестностям Кизического монастыря брать с собой книги для чтения, чаще всего народные и литературные сказки. Как у бывшей учительницы, у неё возникло желание, чтобы её малыши как можно быстрее научились читать, а затем пристрастились к чтению. Таких же взглядов придерживался и Алексей Агафонович, обладавший врождённым крестьянским уважением к науке и книгам.

Многое важное в жизни отца было связано, как замечал подрастающий сын Коля, со словом «Казань». Из Казани к Алексею Агафоновичу приезжали земские чиновники. Когда туча приходила с громом и молнией, то Коле казалось, что она как раз из Казани и явилась.

Ему не терпелось увидеть Казань. По словам отца, выходило, что это огромный город и «Казань» по-татарски означает «котёл». Наконец, в одну из поездок по делам в город, в Казань, Алексей Агафонович взял с собой подрастающего Колю, чтобы сфотографироваться. Он выбрал для этого самое модное в городе центральное фотографическое ателье Соломона Семёновича Фельзера на Воскресенской улице.

Царёвокшайский тракт и Кизическая земская дамба, ведущие в Казань, были полны извочиками. Мелькали резвые лихачи и тяжёлые кареты, шли, поскрипывая, пахнувшие дёгтем обозы с хлебом, пенькой и шерстью. С длинной дамбы открывался обширный вид на город.

Казань. Театральная площадь. Слева – городской театр, справа – здание Дворянского собрания. Посредине площади – памятник Г. Р. Державину

После Зилантовой горы отец обратил внимание сына налево.

– Вот он, кремль-то! – молвил он, ткнув кнутовищем вверх.

Коля вскинул голову, и на холме правого берега Казанки увидел белокаменный Казанский кремль. Левее его стен и башен, на возвышенности, тянулись большие каменные дома, вытягивались вверх мечети и сверкающие золотом церковные купола. Он уже знал от отца, что река Казанка впадает в Волгу. Внизу от кремля, ближе к Волге, жались друг к другу мелкие деревянные дома, а ещё дальше различались с узкими башенками минаретов Татарские слободы.

За дамбой начинался город. От кремлёвского холма брала начало главная улица города Воскресенская, получившая такое название от располагавшейся на ней церкви. Тарантас подпрыгивал по булыжной дороге. Дома по улице пошли белые, двухэтажные, под зелёными и красными крышами. Там и сям пестрели вывески административных зданий, дорогих рестора-

нов, гостиниц и магазинов. Вся правую часть первого квартала улицы у кремля занимало двухэтажное здание Гостиного двора, второго квартала – длинное двухэтажное здание духовной семинарии. За ней возвышалось величественное здание Петропавловского собора, одного из самых красивых сооружений в городе. Завершал Воскресенскую улицу ансамбль зданий Императорского Казанского университета.

Фотография Соломона Фельзера находилась в самом центре Воскресенской улицы, в Черноярском пассаже. Павильон для съёмок располагался на втором этаже. В центре его стоял громоздкий фотоаппарат на деревянном штативе. Подчёркнуто любезный фотограф предложил Алексею Агафоновичу сфотографировать мальчика у деревянной скамейки с разбросанными на ней листочками бумаг. Не снимая новенькие хромовые сапоги, он усадил Коленку на специальную деревянную подставку, помог положить левую ногу на правую, дал в левую руку незамыс-

ловатый предмет, отошёл к массивному фотоаппарату и попросил застыть на минуту. А потом они условились с Алексеем Агафоновичем, к какому сроку прийти за фотокарточкой. Она будет передана отцом повзрослевшему сыну, а запечатлевшаяся в ней обувь попадёт в его стихотворение для детей «Хорошие сапоги», изданной в 1928 году в Ленинграде отдельной книжечкой.

От фотографии С. Фельзера было рукой до здания губернской земской управы. Оно находилось на соседней параллельной Черноозёрской улице, выходящей к Державинскому саду с бронзовым памятником великому земляку-поэту и государственному деятелю. Казанское губернское земство по праву считалось одним из крупнейших и деятельных в России.

Перед губернским земским собранием А. А. Заболотский держал ежегодный отчёт о деятельности управлений им фермы и состоянии учебно-практической школы при ней. В составленном им «Отчёте по сельскохозяйственной ферме Казанского губернского земства с 1 января 1908 года по 1 января 1909 года» он особо отмечал развитие на ферме полеводства, луговодства, пчеловодства, птицеводства, садоводства, огородничества, коневодства, маслоделания и сыроварения. На ферме содержалось шестнадцать лошадей, имелось 60 ульев. Но новому губернскому агроному А. А. Юргенсу, кому по должности подчинялся Алексей Агафонович, полученная фермой за отчётный год прибыль показалась незначительной, он настаивал на закрытии школы как отвлекающей служащих и работников от основных дел. А. А. Заболотский не разделял этих взглядов, обратился за поддержкой в губернскую земскую управу. Но оттуда 15 февраля 1909 года последовало распоряжение о его отстранении от должности и определении страховым агентом по четвёртому участку Мамадышского уезда.

Алексей Агафонович глубоко переживал из-за случившегося. Тем тяжелее

это было для семьи, увеличившейся в день его именин 17 марта 1909 года вторым сыном и названным Алексеем.

После крещения сына Алёши в церкви села Караваево Заболотские переехали в незнакомое фабричное село Кукмор Мамадышского уезда.

Переезды

Село Кукмор возникло в конце XVII столетия с открытием здесь медеплавильного завода. В Кукморе обосновались хорошие столяры, маляры, кузнецы, бондари, портные, колесники. Из всех ремёсел особо выделялись медный и валяльно-войлочный промыслы. Сразу несколько мастеров мастерили из меди кумганы, подносы, ручной-ки, тазы, дверные ручки и даже самовары. Здесь делались знаменитые на всю Россию белые узорчатые валенки с красными ягодками из цветного сукна на голенищах, поярковые с мушками сапоги.

Алексею Агафоновичу приходилось заниматься здесь добровольным и обязательным страхованием крестьянских и земских строений, составлением окладных листов страхового сбора по селениям и именных списков плательщиков. В участок А. А. Заболотского входили не только русские, но и марийские, удмуртские и татарские поселения. Заболотскому было назначено годовое жалованье в семьсот рублей, полагалось ещё четыреста рублей разъездных и сто рублей канцелярских. Но он не переставал тосковать по прежней любимой работе и не хотел мириться с её потерей.

Через год на губернском земском собрании выяснилось, что Заболотский был прав в своём споре с Юргенсом относительно непродуманных нововведений на сельскохозяйственной ферме, и всё вернулось там на круги своя. Но его возвращение туда уже не представлялось возможным. Понимая это, Алексей Агафонович просил себе дру-

гую работу по специальности, но безуспешно. Тогда он решился обратиться с просьбой в уездную земскую управу Вятской губернии. Её новому председателю А. С. Депрейсу представлять его не было надобности, они знали друг друга по земским делам в Казани. Ответ от него не заставил долго ждать. Заболотскому предлагалось место участка агронома в сёлах Лаж или Сернур Уржумского уезда, на его выбор. И в семье после рождения третьего сына Александра 4 июня 1910 начали готовиться к новому переезду.

Лето и осень пролетели в переездных заботах. Пошли первые заморозки. Вчерашние осенние лужи затягивались тоненькой корочкой льда. По утрам от инея белели заборы и стены домов. Семилетний Коля выбегал в новых валенках во двор пробовать первый лёд. Прозрачный и хрупкий, он ломался под ногами. Для кукморских валящиков начинался рабочий сезон, и они парами начинали кочевать из деревни в деревню и вялать свои знаменитые валенки из овечьей шерсти.

Наконец снегом засыпало всё село. Наступила зима и с ней любимая забава детворы – катание на санках с горы. Едва минула её середина, в феврале 1911 года состоялся долгожданный переезд Заболотских на новое жительство. На этот раз он оказался более приятным, чем в Кукмор, ведь Уржумский уезд был для Алексея Агафоновича родным. Новым местом своего назначения после некоторых колебаний он выбрал волостное марийское село Сернур.

Так завершилась младенческая часть детства будущего большого поэта Николая Заболотского, вобравшая казанские и кукморские годы. Отрочество и первые лета юности его пройдут в селе Сернуре и городе Уржуме Уржумского уезда Вятской губернии (ныне районные центры Республики Марий Эл и Кировской области), ставших для него настоящей поэтической родиной. В русскую поэзию он войдёт после окончания педагогического института

имени А. И. Герцена в Ленинграде как певец родной природы. Николай Заболотский прославится также лучшим стихотворным переложением «Слова о полку Игореве», а большинству публики станет известным по любовной лирике, особенно по двум стихотворениям «Признание» и «Можжевельниковый куст» из цикла «Последняя любовь», переложенными на романсы.

Ностальгия по Казани

В родимой Казани ему побывать больше не довелось. Правда, она напоминала ему о себе не раз. В Сернуре у Заболотских любил гостить племянник Алексея Агафоновича, приходящийся его детям двоюродным братом, – Николай Попов, учащийся Казанской художественной школы. Коле он запомнился игрой на мандолине и гитаре и исполнением старинной казанской студенческой песни:

**Там, где тинный Булак
Со Казанкой рекой,
Словно брат и сестра, обнимаются,
От зари до зари,
Лишь зажгут фонари,
Вереницей студенты шатаются.**

Исключённый из художественной школы за связь с социал-демократами Н. Н. Попов учил рисованию в Уржумской женской гимназии. В Уржумском реальном училище, куда родители определили Колю после окончания Сернурского начального училища, среди его учителей оказались окончившие Императорский Казанский университет педагоги – Владислав Павлович Спаский и Иван Сидорович Баймеков, преподававшие историю и словесность.

Друг юности Николая Заболотского по Уржуму Михаил Касьянов был одним немногих, с кем будущий поэт делился своими казанскими детскими впечатлениями. Учась в Петрограде в педагогическом институте, поэт писал в Мо-

скуву другу, куда тот подался получать медицинское образование: «Сегодня я вспомнил моё глубокое детство. Ёлку, Рождество. Печка топится. Пар из дверей. Мальчишки в инее...

Лежал в постели и пел про себя: Рождество твоё Христе Боже наш...»

Не могли забыть им и детские наблюдения из окон казанской квартиры за появлением в предрождественских сумерках первой звёздочки на небе, наряжение домашней Христовой ёлки с Вифлеемской звездой на макушке. Звёздное же небо над Казанью отзовется в 1929 году в его стихотворении «Меркнут знаки Зодиака»:

**Меркнут знаки Зодиака,
Над просторами полей.
Спит животное Собака,
Дремлет птица Воробей.**

В его поэзию затем постепенно вошли вызвавшие у него когда-то в детском сердце восхищение здешний зелёный шум леса, разноцветье полевых цветов, пышный осенний наряд природы, перелёт птиц, первый снег, журчание талых вод. Вместе с окружившей в отрочестве и юности неброской, но щемящей душу природой средней полосы России они, как отметит поэт в стихотворении «Я воспитан природой суровой», сыграли важную роль в формировании его личности:

**Я воспитан природой суровой,
Мне довольно заметить у ног
Одуванчика шарик пуховый,
Подорожника твёрдый клинок.**

Как в услышанных тогда от мамы в сказках, в своей лирике Николай Заболоцкий будет нередко напрямую обращаться к деревьям, травам, животным, солнцу, грозе, временам года, а в стихотворении «Голубиная книга» заметит:

**Как сказка – мир. Сказания народа,
Их мудрость тёмная, но милая вдвойне,
Как эта древняя могучая природа,
С младенчества запали в душу мне.**

В его сердце навсегда поселилась грусть по местам казанского детства. Покинув их навсегда, он мог бывать здесь только в стихотворениях. Конечно же, ему мечталось хоть раз посетить город, который по праву считали родным почитаемые им поэты Г. Р. Державин, Е. А. Баратынский и В. В. Хлебников. Перечитывая их произведения, Николай Заболоцкий невольно пытался найти в них казанские мотивы и созвучные сердцу впечатления. Некоторые из друзей его юности старались по случаю дарить ему книги их стихотворений.

«В букинистических магазинах я нашёл поэмы Хлебникова «Ночь в окопе» и «Зангези» и подарил их Николаю Алексеевичу, – вспоминал ленинградский литератор И. М. Синельников. – Обрадовался он также и другому моему приношению – томику Державина».

«Спасибо за милое письмо и книги. Книжечка Баратынского доставляет мне много радости. Перед сном и в перерывы я успеваю прочесть несколько стихотворений и ношу эту книжечку всегда с собой», – благодарил поэт жену Екатерину Васильевну из Сибири, где оказался по определению Особого совещания НКВД СССР, приговорившего его 2 сентября 1938 года к пяти годам исправительно-трудовых лагерей по ложному обвинению в контрреволюционной деятельности и якобы участие в троцкистско-бухаринской группе ленинградских писателей.

Потом он ей напишет: «По дороге на работу и обратно стараюсь ходить один, наблюдаю природу, и это доставляет мне величайшее наслаждение».

Эти наблюдения и воспоминания о природе детства и отрочества дарили ему тепло и радость, оберегали его от суровой действительности, спасали от духовной и физической смерти.

Уже после освобождения из сталинских лагерей в 1946 году Николай Заболоцкий не раз возвращался в памяти и стихотворениях в места детства и отрочества. Так в его лирике родился символический образ поэтической страны, названной им государством ромашек,

краем чудес и живых растений. Наряду с Казанью она вобрала в себя Сернур и Уржум, а также город Вятку, где состоялось его первое выступление в печати как начинающего литератора.

От соприкосновения в детстве с марийским язычеством, под влиянием философских взглядов Платона, Сквороды, Гёте, Хлебникова, Тимирязева, Вернадского, идей Циолковского об универсальности разума Николай Заболоцкий склонился к мысли о родстве человека, растений и животных, их способности перевоплощаться друг в друга. И не зря в стихотворении «Завещание» он счёл себя дитём не только своих родителей, но и природы:

**Не я родился в мир, когда из колыбели
Глаза мои впервые в мир глядели, –
Я на земле моей впервые мыслить стал,
Когда почуял жизнь
 безжизненный кристалл,
Когда впервые капля дождевая
Упала на него, в лучах изнемогая.**

Поэт пришёл к убеждению, что человек не уходит навсегда в небытие, непременно обнаружит себя в природе, утверждая вечность жизни на земле. А потому в том же стихотворении он заявил о своём новом возвращении в этот мир после своей смерти:

**Я не умру, мой друг. Дыханием цветов
Себя я в этом мире обнаружу.
Многовековый дуб мою живую душу
Корнями обвьёт, печален и суров.
В его больших листьях я дам приют уму,
Я с помощью ветвей
 свои взлелею мысли,
Чтоб над тобой они
 из тьмы лесов повисли
И ты причастен был к сознанью моему.**

Недолгую земную жизнь отпустила судьба Николаю Заболоцкому. Он

скончался в 55 лет, 14 октября 1958 года, и был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище – некрополе лучших людей России. На его надгробии были выбиты надпись «Поэт Н. Заболоцкий. 1903–1958» и силуэтное изображение как бы запечатлевших его улыбку растений.

В нынешнем городе-мегаполисе Казани, наверное, единственным местом, сохранившем память о поэте-земляке является Варваринская церковь, где его крестили и нарекли именем Николая-чудотворца. Экскурсоводы с гордостью показывают её приезжим туристам. А на месте бывшей губернской земской сельскохозяйственной фермы, где родился поэт, высятся теперь многоэтажные корпуса одного из новых микрорайонов. Нет уже двухэтажного деревянного дома, в котором квартировали родители, не осталось и следа от окружавших его деревьев, кустарников и цветников. Исчезли вместе с Кизической слободой памятный для него сосновый бор, прозрачные озёрца с холодной водой, монастырский рыбный пруд с купальней, церковно-приходская школа, часовня с колодцем, кузница, конный двор, примыкавший лес и даже сившаяся ему берёзовая роща. От Кизического монастыря остался лишь главный корпус, и в нём, как когда-то, вновь проходят службы. На месте монастырского кладбища разбит парк, где вряд ли можно послушать мелодии «одинокостоящих растений», «деревьев-виолончелей и деревьев-дудок», «говор листьев» и даже «хохот незабудок».

Своей пейзажной лирикой Николай Заболоцкий достиг самых вершин русской и мировой литературы. Возможно, настала пора включить его как уроженца Казани и в татарстанские энциклопедии?

